
ВЪ ОГОНЬ И ВЪ ВОДУ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Старикъ Ульянъ Семеновичъ побирался. Хотя ему было всего лѣтъ шестьдесятъ, но работать онъ уже почти не могъ. „Быль конь, да изъѣздили“,—говорили про него. Рядъ несчастій довель его до нищеты. Два пожара, разъ за разомъ, сибирка, отъ которой пали лошади и которая три года не давала заводить новыхъ, смерть старшаго сына, уже бравшагося за соху, и наконецъ болѣзнь, состарившая его лѣтъ на десять,—вотъ причины, по которымъ онъ, по крестьянскому выраженію, „сошелъ на нѣтъ“. Длинная борода, вѣчно всклокоченная, также какъ и волосы, которые онъ врядъ ли стригъ больше разъ въ годъ, ввалившіяся щеки и мутные глаза—все вмѣстѣ давало ему видъ какой-то страшный, такъ что дѣти его боялись. Одѣтъ онъ былъ и зиму и лѣто въ одну и ту же шубу. Шуба эта служила ему одна съ молодости. Собственно говоря, въ ней не было ни одного кусочка изъ той шубы, которую онъ носилъ сорокъ лѣтъ назадъ, а шуба все-таки была та самая. Перешивалъ онъ ее ежегодно, причемъ тамъ, гдѣ отъ времени овчина истлѣвала и образовывалась дыра, онъ клалъ заплату. Такимъ образомъ его шуба всегда была пестрая, большею частью темно-грязная отъ времени, со вставками, гдѣ бѣлыми, гдѣ кирпично-красными. То рукава были старые, а пола новая; когда же пола старилась,—приходило время мѣнять куски въ рукавахъ. По этой шубѣ его можно было узнать издали. Руки всегда у него были грязныя.

Несмотря на эту наружность и на бѣдность его, онъ поль-

зовался въ обществѣ почетомъ. Ульяномъ его не звали, а либо „Ульянъ Семеновичъ“, либо „дѣдъ Ульянка“, причемъ въ этомъ „Ульянка“ не было ничего презрительнаго. Даже на сходѣ, гдѣ обыкновенно впередъ выступаютъ богачи-мироѣды, ему всегда было почетное мѣсто. И слушали его внимательно, когда онъ говорилъ. А говорилъ онъ громко и отчетливо, хотя рѣзко, точно лаялся на кого.

А слушали его потому, что онъ считался самымъ правильнымъ мужемомъ на деревнѣ. На сходѣ ли, свидѣтелемъ ли при допросѣ начальства, онъ безбоязненно и нелюдимо говорилъ, что зналъ, хотя бы это касалось его ближайшихъ родственниковъ или сосѣдей.—Однако умирать,—говорилъ онъ.—Я душой вричь не люблю. Хоть отецъ родной будь, что знаю, то и говорю.—Къ этому какъ-то привыкли, и на него за его нескромность не сердились, какъ обыкновенно сердятся на слишкомъ откровенныхъ свидѣтелей. Больше того: его боялись и уважали; и даже ребятишки, когда шалили, увидя дѣда Ульянку, переставали шалить, хотя дѣдъ Ульянка шелъ съ котомкой за спиной.

Въ другихъ онъ баловства не любилъ, зато и самъ къ себѣ былъ строгъ. Правдивѣе его мужа не было, и если онъ обѣщался отдать, когда что занималъ, къ какому-нибудь сроку, то можно было съ увѣренностью сказать, что онъ обѣщаніе сдержитъ. Когда онъ старъ сталъ, помѣщикъ сосѣдній его уговаривалъ взять земли подъ работу, такъ какъ не было добросовѣстнѣе и аккуратнѣе работника.

— Ну, а кто, баринъ, за меня работать будетъ? Вотъ кабы мой старшой живъ былъ, тогда такъ; а теперь я не возьму. Потому коли обяжешься, надо сработать. А я не могу. Мочи моей нѣтъ.

И не бралъ подъ работу, хотя, чтобы накормить старуху свою и маленькаго сынишку, приходилось идти побираться. И побирался онъ, главнымъ образомъ, по своей же деревнѣ, не стыдясь этого.—Пока силы были,—скажетъ онъ, бывало,—работалъ, не побирался; а теперь, какъ Богъ здоровье отнялъ, да еще убытки разные послалъ, пришлось Христа ради просить. Ну, что-жъ? Просить не грѣхъ, а потому и не стыдно. Вотъ, воровать грѣхъ, а просить, коли работать не можешь, въ этомъ грѣха нѣтъ. Подадутъ—спасибо; нѣтъ—тоже спасибо.

И ему подавали охотно.

Въ молодости дѣдъ Ульянка былъ, еще при крѣпостномъ правѣ, женатъ насильно на помѣщицкѣй дворовой дѣвкѣ. Онъ въ чемъ-то провинился передъ господиномъ и наказанъ былъ

тѣмъ, что женать на дворовой тоже провинившейся. Вина ея состояла въ томъ, что своей красотой ввела въ грѣхъ молодого барчука, — грѣхъ, оразившійся не на барчужь, а на ней самой. Сначала, было, дѣдъ Ульянка ея за этотъ грѣхъ наказывалъ, но затѣмъ былъ тронутъ ея покорностью, и отношенія между супругами установились нормальныя, а мало-по-малу перешли въ самыя дружескія. Въ женѣ онъ находилъ всю жизнь вѣрную подругу, всегда готовую раздѣлить его радости и его горе; и если онъ, несмотря на всѣ свои несчастія, не пагъ духомъ, то этимъ главнымъ образомъ обязанъ былъ своей Матренѣ.

— Ну, что же? Богъ милостивъ, — говорила она, — можетъ, подъ старость поправимся, а главное, выведемъ въ люди дѣтей своихъ.

Но и въ дѣтяхъ имъ счастья не было. Старшія умирали маленькими, а одинъ сынъ умеръ уже лѣтъ пятнадцати. Когда дѣдъ Ульянка, послѣ продолжительной болѣзни, оказался уже неспособнымъ къ труду и ему пришлось идти съ ругой, у нихъ остался всего одинъ сынъ-послѣдшій, лѣтъ десяти. Матрена души въ немъ не чаяла, и если что смущало ее, то только невозможность удовлетворить самымъ насущнымъ потребностямъ Миши. Она день и ночь работала, какъ могла, чтобы одѣть его и накормить его, какъ слѣдуетъ. Но, при всемъ томъ, часто ему цѣлые мѣсяцы зимой нельзя было выйти изъ избы, за недостаткомъ обуви: часто приходилось цѣлые дни ничего не ѣсть, кромѣ собранныхъ отцомъ кусочковъ.

Не одинъ разъ Матрена плакала, глядя на него.

„Когда-то ты у насъ выростешь?“ — думала она, и шла въ церковь поставить купленную на послѣднюю копѣйку свѣчку.

Очень богомольная, она рѣдкій благовѣсть пропускала, чтобы не идти въ церковь, хотя приходилось тащиться болѣе двухъ верстъ, иногда по непролазистой грязи. Въ церковь она, когда могла, брала и Мишу, который радъ былъ стоять съ мальчишками и шалить. Онъ то-и-дѣло входилъ и выходилъ изъ церкви и всегда былъ коноводомъ всякихъ шалостей.

— Ты бы, бабушка, смотрѣла за сыномъ-то, — говорилъ ей церковный староста, почтенный мужикъ: — а то онъ, страсть, баловаться гораздъ. Я его и трепалъ кое-когда, а онъ, знай, все свое. И въ церкви-то постоять не можетъ!

— Знамо дѣло, батюшка, ребенокъ еще! Чего съ него спрашивать? Да и я какъ за нимъ глядѣть-то буду? Мое дѣло бабѣ — той себѣ сзади. Какъ же мнѣ за нимъ углядѣть? А ты, когда онъ имо свѣчнаго ящика-то выйти хочетъ, за ухо его, да и назадъ!

— Онъ те дастся! Такой баловной, Богъ съ нимъ!

Баловнымъ Миша былъ и въ школѣ, и учительница на него постоянно жаловалась родителямъ. При всемъ томъ, учиться онъ былъ способный и тринадцати лѣтъ сдалъ экзаменъ народнаго училища, пробывъ въ немъ всего три года. Успѣхи его происходили отъ хорошихъ способностей. Онъ запоминалъ легко, что слышалъ, и быстро соображалъ. Зато усидчивости въ немъ не было ни капли. Пробовала ему учительница и по окончаніи курса давать кое-какія книжки, но онъ ихъ употреблялъ на цигарки, которыя выучился курить еще въ школѣ. По жѣрѣ того, какъ онъ выросталъ, онъ дѣлался все болѣе и болѣе шаловливъ и по цѣлымъ днямъ не возвращался домой. Оставить же его на дѣлѣ, хотя бы лошадей сельскихъ караулить, отецъ не могъ: черезъ часъ онъ уже игралъ на улицѣ съ ребятами. И отецъ, и мать его наказывали, но это не помогало. Бить они его не били.

— Еще маленекъ, — утѣшали они себя; — подростеть — поумнѣетъ. Чего съ него спрашивать?

Пятнадцати лѣтъ онъ былъ первымъ, когда надо было лезть по деревьямъ и разрушать гнѣзда, всегда находилъ, гдѣ украсть табачку на цигарку, и раза два уже замѣченъ былъ матерью съ виннымъ запахомъ изо рта. Зимой дѣдъ Ульянка бралъ его иногда съ собой побираться. Мальчикъ при отцѣ держалъ себя хорошо, потому что боялся его. Дѣдъ Ульянка, хотя жалѣлъ его, никогда не билъ, извиняя шалости малолѣтствомъ, но на словахъ былъ строгъ.

— Ты смотри у меня! Не будешь слухаться — запорю! Вотъ увидишь, запорю!

Лѣтомъ онъ приучалъ сына работать. У богатаго сосѣда было три лошади, а работникъ въ семьѣ былъ онъ одинъ. Ему и отдавалъ сынишку дѣдъ Ульянка на выучку. Миша пахалъ и косилъ сосѣдову ниву, а сосѣдъ за это обрабатывалъ дѣда Ульянки десятину. Къ работѣ мальчикъ былъ способенъ и всему научался скоро: на второй годъ онъ уже и соху самъ налаживалъ, и крюкъ отбивалъ. Возьметса — работа кипитъ у него, но зато если найдетъ на него, какъ на норовистую лошадь — ничѣмъ работать не заставишь.

II.

Къ восемнадцати годамъ онъ уже совсѣмъ опредѣлился: первый въ работѣ, первый и въ кабакѣ. Трезвый — онъ былъ тихій, даже веселый малый, услужливый и смѣлый; пьяный — буянъ, го-

товый всегда побить всякаго, хоть родного отца. Когда онъ уже слишкомъ, бывало, разойдется и, по распоряженію начальства, его хотѣли взять, чтобы отправить въ волостную, — приходилось брать его хитростью, обманомъ: вообще сильный, онъ въ это время могъ бы одолѣть цѣлую толпу. Со страшными ругательствами, онъ схватывалъ, что попало.

— Ну, подходи теперь! — кричалъ онъ: — всякому голову снесу... Миѣ все равно, околѣвать, такъ околѣвать. Небось, не испугаюсь, черти проклятыя!.. Михайла Ульяннина взять вздумали!.. Отойти, говорятъ вамъ...

Всѣ, конечно, разбѣгались.

Красивый, голубоглазый, краснощекій парень, молодецъ плясать и пѣть, онъ считался хорошимъ женихомъ. Пить онъ на свои не начиналъ, и чѣмъ старше, тѣмъ въ работѣ былъ прилежнѣе. Дѣдъ Ульянъ побираться пересталъ.

— Не будь онъ во хмелю таковъ, золото былъ бы, а не малый. Надо женить его; остепенится, Богъ дастъ, — говорилъ онъ старухѣ.

И порѣшили его женить. Когда ему сообщили это рѣшеніе, — „ну, что жъ? — сказалъ онъ, — коли Аринка за меня пойдетъ, я жениться готовъ“.

Аринка была красивая дѣвка, чуть не самая бѣдная въ деревнѣ. У ея матери, какъ и у Михайлиной, былъ въ молодости свой романъ. Ея мать жила тогда кухаркой на барскомъ дворѣ, и хотя ея мужъ жилъ тутъ же въ садовникахъ, но народъ болталъ, что ее по ночамъ видѣли въ домѣ, гдѣ останавливался не надолго прѣзжавшій молодой помѣщикъ. Когда Аринка выросла стройная, хорошенъкая, съ двумя рядами чудныхъ зубовъ, вѣчно открытыми отъ почти постоянной улыбки, и съ большими, тоже вѣчно-улыбающимися глазами, то старики вспомнили рассказы о походеженіяхъ ея матери, и не стали ее иначе называть, какъ „дворянка“. Аринка этимъ даже гордилась.

— Ну, что-жъ? Дворянка, такъ дворянка; я дворянка, а вы мужики!

Мать ея, когда намекали на происхожденіе Аринки, тоже не обижалась.

— Нашли, кѣмъ попрекать: баринномъ! Вотъ кабы нищимъ попрекали — такое дѣло! А то баринномъ! Аль завидно?

Не обижался и Аринкинъ отецъ.

— Чего ни говорите, а дочь моя! Купцы и тѣ заглядываются. Вотъ, выдамъ ее за краснорядца — не то запоете!

Но за краснорядца выдать ее не пришлось, — а влюбилась она

въ Михайла. И Михайло въ нее влюбился. Ульянка съ Матреной заслали сватовъ. Не испугала Аринку бѣдность ихъ, не испугалъ и буйный характеръ Михайла.

— Хоть я,— говорила она,— и дворянка, а вѣдь тоже не чай пью, а воду, а насчетъ буйства небось: не забуйнить онъ у меня!

Но въ этомъ она ошиблась. Какъ они ни любили другъ друга, а буйнить Михайло не пересталъ и послѣ свадьбы. Какъ напьется, такъ непременно набѣдокуритъ: или подерется съ кѣмъ, или наскандалитъ. Тогда звали Аринку.

— Ты что, антихристъ, буйнишь. Э-э-э!.. и не стыдно!

И Михайло, какъ ни пьянъ былъ, какъ ни ругался, сейчасъ же, бывало, присмирѣеть.

— Ну, не буду, не буду! Только не сердчай.

И Аринка вела его домой, гдѣ онъ, бывало, сейчасъ же ложился спать и успокоивался.

Дѣдъ Ульянка и Матрена уже были очень стары и души не чаяли въ своей снохѣ.

Разъ годъ былъ плохой, и Михайлу пришлось отдаться на барскій дворъ въ работники. Жалованья ему положили больше, чѣмъ другимъ, и назначили старшимъ работникомъ. Такую должность придумалъ для него нѣмецъ управляющій, чтобы поощрить его. Нѣмецъ былъ хитрый и любилъ всякія нововведенія. Завелъ машины разныя. Первымъ на этихъ машинахъ вѣзжалъ всегда Михайло, и, надо сказать, всегда умѣлъ ихъ наладить. И съ жеей, и съ рядовой сѣялкой онъ справлялся, тогда какъ другой и дня не проработаетъ и уже везетъ машину къ мастерской для починки. Очень полюбилъ Михайла нѣмецъ и всегда ставилъ его другимъ въ примѣръ.

Придумалъ разъ нѣмецъ рожь въ пшеницѣ косить. Пришло время выпалывать рожь изъ пшеницы. Староста и говорить нѣмцу:

— Пора, Петръ Богдановичъ, пшеницу полоть.

— Полоть? полоть дорого. Рожь нужно скосить.

— Какъ скосить? вы, Петръ Богдановичъ, что-то чудно говорите!

— Чудно! Тебѣ все чудно... Эй, Антипа!

Шедшій мимо работникъ Антипъ подошелъ.

— Ты вотъ что: возьми косу и ступай начни рожь выкашивать въ пшеницѣ. Она выколосилась и выше пшеницы. Возьми косу и выкашивай ее повыше; понимаешь?

— Понять-то понимаю, а что-то чудно! Рожь полоть надо, а не косить.

— Ты слушай, что тебѣ говорятъ! Ступай!

Взялъ Антипъ косу и пошелъ, а черезъ часъ вернулся.

— Нѣтъ, Петръ Богдановичъ. Ты что-то не то. Нешто ее, косу-то, на вѣсу продержишь? Я и пшеницу косить-было сталъ!

Позвали Михайла; объяснили ему, въ чемъ дѣло. Михайло пошелъ, и къ вечеру всѣ головки ржи повесилъ на цѣлой десятинѣ.

Понятно, что Михайла нѣмецъ любилъ. И нѣмца Михайло любилъ за его хитрость. Какъ поднесутъ ему послѣ дня хорошей работы стаканъ водки, онъ словъ не находилъ — и въ глаза, и за глаза превозносить нѣмца.

— Вотъ это человѣкъ! Чего не придумаетъ? и все умно! И людей понимаетъ. Знаетъ, кто чего стоитъ. Мы съ Петромъ Богдановичемъ такихъ бы дѣловъ раздѣляли... только держись!

Даже пьяный, онъ при появленіи Петра Богдановича понижалъ голосъ.

— Ты послушай, Петръ Богдановичъ. Вѣдь ты меня знаешь: я хоть куда за тебя готовъ. Вѣдь обиди! Вѣдь надо Антипѣ въ зубы дать? Ну, скажи: надо?

— Ты, Михайло, ступай спать; ты пьянъ.

— Я?.. я пьянъ?.. Ахъ ты нѣмецкая морда!.. Я пьянъ?..

И лѣзетъ на управляющаго. Въ этихъ случаяхъ его успокоивали.

— Нѣтъ, нѣтъ... я ошибся, ты не пьянъ, Михайло...

И звали Арину. Та его уводила.

Голодный годъ прошелъ. Урожай былъ хорошей. И Михайло ушелъ домой жить. Свободу онъ свою цѣнилъ дорого. Когда особенная нужда была въ немъ, за нимъ посылали управляющій, и онъ съ гордостью говорилъ:

— Какъ что похитрѣе, такъ безъ Михайла не обойтись!

III.

Время полои воды съ самаго ранняго дѣтства его неудержимо привлекало къ мосту. Когда, бывало, въ мартѣ начинали отовсюду съ полей стекаться ручейки воды, еще маленькимъ мальчишкой онъ бѣжалъ къ рѣчкѣ и наблюдать, какъ вода прибываетъ и ледъ поднимается. Почти у самаго Ульякина дома улица поворачивала при выходѣ изъ села и черезъ маленький мостъ пересѣкала рѣчку. Рѣчку эту лѣтомъ почти вездѣ куры въ бродъ переходили. Кое-гдѣ были родники и образовывались

довольно глубокия мѣста, которыя назывались озерами и гдѣ народъ собирался купаться. Вода въ этихъ озерахъ была всегда холодная отъ родниковъ. Вдоль рѣчки по одинъ берегъ тянулись крестьянскіе огороды, по другой—помѣщичій лугъ. Кое-гдѣ у самой рѣчки стояли ветлы и осокори, болѣею частью скривившіеся, полусгнившіе, расщепленные грозой; иногда, впрочемъ, толстые, съ громадной шапкой нависшей надъ водою листьевъ.

Мостикъ, бывшій неподалеку отъ Ульянкиной избы, былъ уже старъ, на нѣсколькихъ парахъ не толстыхъ и не глубоко вбитыхъ свай, съ вѣчно поломанными перилами. Къ этому мостику сбѣгалась деревенская дѣтвора, съ Мишей во главѣ. Тутъ они смотрѣли, какъ въ рѣчку, шурша, сбѣгали ручейки, тутъ они какъ бы помогали, раскалывая снѣгъ, этимъ ручейкамъ скорѣе добраться до главнаго русла.

— Мамушка, гляди!—вбѣгая въ избу, кричалъ Миша:—иди, погляди, какъ вода прибавляется! Еще два дня, говоритъ дѣдъ Аѳонья, и вода пойдетъ.

— Есть мнѣ когда глядѣть на твою воду! Смотри, на мостъ не ходи!

А Миша какъ разъ на мостъ и бѣжалъ черезъ минуту.

Когда ледъ трогался отъ напора вздувшейся рѣчки, радости дѣтской конца не было.

— Игры, игры, глядите... игры пошли!—кричали ребяташки, показывая на льдины.

Съ такимъ восторгомъ встрѣчалась каждая новая льдина. Какъ трепетно, стоя на мосту, ждали ребяташки, когда эта льдина ударится объ свай моста и весь мостъ задрожитъ!.. Какъ трудно было старшимъ согнать ихъ съ моста, когда являлась опасность, при сравнительно сильномъ ледоходѣ, что весь мостъ будетъ снесенъ!.. Раньше всѣхъ утромъ являлся на мостъ, позже всѣхъ уходилъ, больше всѣхъ кричалъ, топалъ, шумѣлъ, бѣсновался Миша... Когда вода усиливалась и, не умѣщаясь въ пролетахъ моста, начинала быстро нестись стремительнымъ потокомъ черезъ гать, иногда размывая ее,—новые восторги, новыя ожиданія какого-нибудь изъ ряда вонъ выдающагося происшествія при переѣздѣ черезъ этотъ потокъ.

Эта страсть къ полою водѣ осталась у Михайлы и тогда, когда онъ возмужалъ. Но тутъ онъ уже являлся не простымъ зрителемъ, а самымъ горячимъ работникомъ, когда нужно было помочь кому-нибудь переправиться. Ъхала ли почта, или какой-нибудь другой проѣзжій, Михайло всегда былъ тутъ. Въ его распоряженіи была тогда почти круглая, плоскодонная, осмолен-

ная лодка, и онъ, забравъ конецъ веревки, переѣзжалъ, отгребаясь лопатой вмѣсто весла, черезъ потокъ, чтобы съ того конца гати веревкой притягивать переѣзжающихъ. Иногда потокъ былъ такъ быстръ, что онъ никакъ не могъ его переплыть: его уносило по теченію, онъ возвращался, но все-таки добивался своего, цѣной громаднаго напряженія своихъ молодыхъ силъ.

Разъ переѣзжать потокъ пришлось возвращавшейся изъ города небогатой помѣщицѣ. Михайло былъ пьянъ. Вода не очень была сильна, и потокъ не особенно страшенъ. Веревку перекинули, прицѣпили къ санямъ, и на мосту за одинъ конецъ взялся Михайло, за другой—сосѣдъ его, тоже здоровый мужикъ, Тарасъ. Потянули, лошади вошли въ воду, поплыли сани. Вдругъ Михайло бросилъ свой конецъ веревки.

— Стой, а ты сколько дашь?

— Три рубля!.. пять рублей!—врычала помѣщица.

— Врешь, а помнишь, ты меня обчитала на цѣлковый, какъ я тебѣ молотилку пуцалъ?

— Дамъ; ей Богу дамъ!.. Ай, лошади!.. Гибнемъ!

Тѣмъ временемъ Тарасъ тащилъ свой конецъ. Сани поплыли бокомъ. Вода хлынула въ нихъ. Михайло—съ крикомъ: „А! попала-ась? Будешь надувать добрыхъ людей?“ — схватилъ бывшій при немъ колъ и ударилъ Тараса по рукамъ, чтобы и тотъ пустилъ веревку. Сани, ничѣмъ не сдерживаемыя, поплыли по теченію, почти совсѣмъ погрузившись въ воду. Помѣщица кричала благимъ матомъ; вучерь ея тоже оралъ. Минуту лошади все барахтались въ водѣ, чтобы выйти на мостъ, но ихъ стало относить... Еще мгновение—и поплыли бы и лошади, и люди... Къ счастью, сбѣжавшійся народъ, несмотря на крики и угрозы Михайла, поймалъ концы веревки и вытащилъ на смерть перепуганную и до костей промокшую помѣщицу. Ее отвезли въ ближайшую избу, гдѣ она согрѣлась и переодѣлась въ платье, привезенное ей съ барскаго двора. Михайла отвезли въ холодную, и кромѣ того была подана на него жалоба земскому начальнику. Но онъ сходилъ къ помѣщицѣ и выпросилъ у нея прощенье... Тѣмъ дѣло и кончилось.

На слѣдующій годъ полая вода была особенно сильна. По обыкновенію на мосту стояли ребятишки. Тутъ же были и нѣкоторые большіе, въ томъ числѣ и Михайло. Одна льдина, не особенно большая, неслась быстро къ мосту и ударилась объ сваю... Мостъ затрещалъ... Всѣ кинулись съ моста, и черезъ минуту мостъ плылъ по теченію рѣчки... Съ мостомъ, схватившись за стойку периль, плылъ съ крикомъ—„мама!“ — пятилѣтній

мальчишка... Еще минута—и онъ погрузился въ воду, и опять появился, все держась за стойку... Крикъ: „мама!“—былъ уже какой-то сдвленный отъ ужаса...

Но Михайло это видитъ!.. онъ уже въ лодкѣ и, отгребаясь лопатой, летитъ по потоку вслѣдъ за уходящимъ мостомъ... Мальчикъ уже далеко... крикъ его еле слышенъ... но къ плывущему мосту уже подплылъ Михайло, схватилъ мальчика, и вмѣстѣ несутся они въ бурномъ потокѣ... Но онъ лопаты не бросилъ... неимоверными усиліями онъ направляетъ лодку на ветлу, очутившуюся при разлитіи посреди рѣки, и, когда лодка объ нее ударилась, бросаетъ лодку и лопату и, обнявъ мальчика лѣвой рукой, правой цѣпляется за большой сукъ, нагнувшійся надъ водой... Еще мгновенье... и онъ своей шубой согрѣваетъ ребенка, сидя на деревѣ...

Народъ у моста, молча и притавивъ дыханіе, слѣдилъ за этой борьбой смѣльчака со стихіей. Нѣкоторые бѣгутъ по берегу вдоль теченія, и черезъ часъ мальчикъ—на рукахъ у обезумѣвшей матери... а Михайло—въ кабагѣ...

Вечеромъ онъ, пьяный, пришелъ къ матери ребенка.

— Ишь, дьяволъ, хочешь, я те виски надеру, коли не будешь за малымъ глядѣть!.. Слышала?..

Онъ бы ее побилъ, еслибы Арина не пришла.

IV.

Были еще случаи, гдѣ приходилось Михайлу проявлять свое геройство: это пожары. Когда пожаръ случался на ихъ деревнѣ, то Михайло прибѣгалъ всегда однимъ изъ первыхъ. Если пожаръ былъ въ другомъ мѣстѣ, но не такъ далеко, чтобы не было надежды помочь, онъ или верхомъ, или съ бочкой, а то и съ трубой съ помѣщичьей усадьбы, летѣлъ туда, гдѣ горѣло. Онъ точно съ ума сходилъ; все забывъ, кромѣ своей цѣли—помочь на пожарѣ,—онъ стремглавъ скакалъ, насколько позволяли силы лошади, которая ему попадалась подъ руку, чья бы она ни была. Тутъ онъ ничего не разбиралъ, ни ухабовъ, ни канавъ, ни иныхъ препятствій. Тутъ всякій самъ держись и не попадайся: онъ могъ задавить скорѣе, чѣмъ свернуть.

На пожарѣ онъ сразу дѣлался хозяиномъ положенія, и народъ слушался его призываній безпрекословно. Помѣщикъ ли былъ какой, старшина ли, урядникъ ли, даже раза два самъ становой, проѣздомъ попавшій на пожаръ,—всѣ ему были ни

по чемъ. Онъ всѣми распоряжался; всѣ его слушались. Сейчасъ подѣдетъ, гдѣ по направленію вѣтра долженъ пожаръ идти дальше; сообразить, что надо дѣлать: ломать ли какую постройку, поливать ли что или гдѣ поставить людей съ вѣтками тушить гален;—и начинаетъ командовать громовымъ голосомъ, самъ, конечно, первый на работѣ, шагъ за шагомъ, какъ бы нѣхотя, уступая мѣсто огню, когда самъ почти загорался.

На пожарахъ его звали: Михайлъ Ульянычъ.

— Михайлъ Ульянычъ пріѣхалъ; авось Богъ дастъ... — говорилъ народъ и дружно принимался за работу. Сейчасъ его окружали мужчины съ просьбами.

— Михайлъ Ульяновичъ, ты мою поливать прикажи. Вѣдь, гляди, срубъ-то новый стоитъ. Еще можно растащить...

— Ну, чего твою поливать, коли горитъ ужъ? надо, чтобы огонь дальше не пущать.

— Что же это мою хату ломать? Вѣдь, можетъ, такъ отстоять можно. Это что-жъ такое?

— Твою не ломать,—кричалъ Михайло,—а всему порядку горѣть дать? Небось, страховку получишь! Ломай, ребята, говорить вамъ! Чего рты разинули? Нечего его слушать!

И избу ломали, а пожаръ останавливался.

Но коли видѣлъ Михайло, что дѣйствительно можно спасти что-либо цѣнное или скотину какую согнать съ горящаго уже двора, онъ летѣлъ самъ въ опасность и съ опаленными волосами и одеждой, а то и съ ожогами, вырывалъ добычу у разъяренной стихіи.

На пожарѣ онъ былъ, пока была опасность. Когда видѣлъ, что дальше горѣть не будетъ, онъ успокоивался и садился отдыхать. Скажетъ кто:

— Михайлъ Ульянычъ, ты вели мою избу поливать! можетъ, еще какое берно спасти можно!

Или скажутъ:

— Какъ бы вѣтромъ не раздуло! Ты ужъ побудь, посмотри за народомъ.

Онъ отвѣчалъ:

— На это у васъ старшина есть. Что мнѣ головешки заливать прикажете, что-ли!

— Ну, спасибо, спасибо, родной! Кабы не ты, право слово, всему селу бы горѣть,—говорили мужчины и бабы, до которыхъ огонь не дошелъ.

И Михайло принималъ эти благодарности за должное. Зато къ вечеру онъ тутъ же непременно напивался послѣ трудовъ

праведныхъ, и всѣ съ радостью его поили, сколько его душѣ было угодно. А побѣтъ кого—не обижались и не жаловались.

Пьяный онъ часто грозился поджечь.—„Спалю васъ подлецовъ!“—закричить, бывало. И въ судѣ за эти угрозы жаловались, и сидѣлъ онъ подъ арестомъ, но его это не исправляло. Разъ предсѣдатель волостного суда, желая его постращать, сказалъ ему въ судѣ:

— Вотъ что, Михайло, коли ты еще будешь буянить и грозиться поджогомъ, мы тебя приговоримъ къ тѣлесному наказанію.

Въ судѣ Михайло промолчалъ, но послѣ, одинъ-на-одинъ, сказалъ предсѣдателю,—онъ былъ совсѣмъ трезвый:

— Ты вотъ что, Антонъ Терентьевичъ, послухай. Ты шутить шути, сколько хошь, и подъ арестъ меня сажай, сколько влѣзетъ, а не вздумай взаправду того... насчетъ розогъ, что ты сказалъ. Помни мое слово: коли только меня присудишь въ розгамъ, что у тебя ни есть—ничего не останется, да и голову вамъ всѣмъ раскрою: и тебѣ, и женѣ твоей, и дѣтямъ твоимъ... Помни... я не шучу!..

— Да ты что, Михайло, я взаправду что-ль? Я вѣдь такъ только сказалъ; думалъ тебя постращать.

— То-то постращать! А взаправду—не дай тебѣ Богъ!..

Про Михайла на деревнѣ были разнаго мнѣнія. Кто считалъ его трезваго за самое безобидное существо, и въ буйствѣ его видѣли родъ сумасшествія.

— Отойти отъ него надо,—говорили такіе,—не онъ буянить, а вино. Проспится—онъ зла не помнить.

Другіе, наоборотъ, считали его и трезваго злопамятнымъ и способнымъ отомстить врагу.

— Онъ пьяный только то говорить, что трезвый въ душѣ держитъ. Отъ него что ни дальше быть, то лучше.

Съ однимъ только человѣкомъ на деревнѣ онъ былъ въ открытой враждѣ. Это былъ Тарасъ, тотъ самый, котораго онъ заставилъ бросить веревку, когда купалась въ полую погоду бѣдная помѣщица. Съ нимъ онъ какъ-то повздорилъ пьяный и пригрозилъ, по обыкновенію, и поджогомъ, и убійствомъ. Съ тѣхъ поръ Тарасъ почему-то сталъ носить на всякій случай гирьку. Черезъ нѣсколько времени, Михайло, пьяный, опять забуянилъ. Тарасъ, вмѣсто того, чтобы отойти, какъ дѣлали другіе, сталъ съ нимъ перебраниваться. Михайло полѣзъ драться и ударилъ Тараса. Тарасъ гирькой отвѣтилъ ему и нанесъ рану въ голову. Михайло, обливаясь кровью, упалъ и двѣ недѣли пролежалъ

больной. Потомъ выздоровѣлъ. Съ тѣхъ поръ онъ и пьяный къ Тарасу не приставалъ.

— Онъ трусъ, — говорилъ Тарась. — Лѣзеть, когда знаетъ, что его возьметъ. А коли кто его не боится и отпоръ дастъ — того онъ не тронетъ.

Зато за глаза Тарасу отъ Михайла доставалось. Даже женѣ онъ говорилъ, когда та его усмиряла:

— Ну, это хорошо. Я тебя послухаю всегда. А Тарасу, помни, не нынѣ — завтра отплачу. Ему, подлецу, не сдобровать. Будетъ меня помнить, какъ гирьками драться.

— Да будетъ же, — говорила Арина, — подрались, его взяла, ну и будетъ. Не вѣкъ зло помнить! А то еще бѣду наживешь!

— Ладно, ладно! Будь я анаѣема проклять, коль не пушу его по міру!

Трезвый онъ и женѣ ничего не говорилъ.

Разъ дѣло было на Флора и Лавра: священники обходили съ иконами деревни и служили молебны по случаю лошадинаго праздника. Къ вечеру Михайло былъ пьянъ и шумѣлъ у кабака. Пьянъ былъ и Тарась.

— Ты не очень шабарши! — сказалъ онъ Михайлѣ: — разъ получилъ на орѣхи, — еще получишь. Ишь, разошелся! правда, думаетъ, сладу съ нимъ нѣтъ.

Михайло промолчалъ и, какъ будто, присмирѣлъ. Купилъ бутылку водки — дѣло было вечеромъ — и ушелъ домой, легъ спать на гумнѣ. Арина была очень довольна.

— Мой-то нонѣ не скандалить. Какъ добрый человекъ, выпилъ и спать легъ. Надоѣло, знать, драться. Можетъ, остепенится.

И пошла спать въ хатку. Вскорѣ все село заснуло. Умолкли послѣдніе голоса на улицѣ: въ рабочую пору долго не гуляютъ. Ночь была темная. Михайло всталъ.

— А ты меня еще дразнить сталъ, проклятый! Я тебѣ покажу!

Онъ залпомъ выпилъ водку, которую принесъ изъ кабака, взялъ спичекъ и направился задами къ Тарасову двору, осмотрѣлся — никого не было... Онъ зажегъ сѣрничекъ, подсунулъ его подъ пелену и быстро отбѣжалъ. Черезъ минуту вся крыша на дворѣ и на Тарасовой избѣ были въ огнѣ. Кто-то не спалъ, увидалъ огонь и первымъ дѣломъ бросился будить Тарасову семью. Крики: „пожаръ, горимъ!“ — подняли село на ноги. Объ имуществѣ не думали; думали, какъ бы спасти себя и дѣтей.

А Михайло засѣлъ двора черезъ два въ одоньяхъ и смотрѣлъ.

— Будетъ меня помнить, проклятый! — говорилъ онъ.

Между тѣмъ огонь расходился, занялась сосѣдняя изба. Крики ужаса становились все громче. Стали вынимать на улицу домашній скарбъ; тутъ же толпились бабы съ дѣтьми и голосили. По всему селу, даже тамъ, гдѣ не грозила ни малѣйшая опасность, мужики выводили заспанную скотину, удивленную, что ее такъ не въ-время выгоняютъ. А пожаръ хотъ не скоро—вѣтеръ былъ слабый—все распространялся по наваленной всюду соломѣ.

Михайло не работалъ. Онъ вышелъ изъ одоневъ, въ которыхъ было-спрятался, и стоялъ на улицѣ съ народомъ, молча и не сводя глазъ съ Тарасовой избы.

— Жеребець-то, жеребець-то сгорѣлъ на дворѣ! Господи! отчего же это случилось? И холсты-то мои всѣ сгорѣли! Чѣмъ-то я буду дѣтокъ своихъ одѣвать?—голосили Тарасовы бабы.

— Хлѣбъ остался бы! А то нищими будемъ,—сидя на сундукѣ сосѣда, говорилъ Тарасъ. Ноги его не ходили, и онъ безпомощно только смотрѣлъ на разрушеніе съ такимъ трудомъ накопленнаго хозяйства... Вдругъ онъ увидалъ Михайла, тоже не работавшаго и смотрѣвшаго на его хату...

— Ужъ не его ли это дѣло?—сказалъ онъ, указывая на него.

Стоявшіе тутъ мужики и бабы слышали это, но ничего не отвѣтили. Слышалъ это и Михайло, но сдѣлалъ видъ, что не слышитъ.

„Небось, никто не видалъ! Говори, что хопъ!“ — подумалъ онъ.

— Вѣдь сзади загорѣлось-то, со двора,—говорилъ народъ.— Само собой не загорится. Знать, недобрый человекъ былъ. Да мы-то за что страдаемъ? Ахъ, негодяй онъ этакій!

„А вправду,—думалъ Михайло,—эти-то за что страдаютъ? Вѣдь они не виноваты“. И глаза его съ Тарасовой избы перешли на сосѣднія, тоже объятая огнемъ. „Что же это я надѣлалъ-то? Кинутся спасать? Чего теперь сдѣлаешь? Народъ въ разбродѣ! Ни воды, ни инструментовъ. Боже! что я надѣлалъ!“

Издали доносился набатъ. Вѣтеръ, какъ всегда это бываетъ, поднялся мѣстный, отъ самаго пожара. Ужъ горѣло пять дворовъ. Народу набиралось больше и больше. Кое-кто прибѣжалъ съ ведрами, привезли двѣ бочки. Собрались... Красный отблескъ огня придавалъ зловѣщій видъ подбѣгавшимъ къ горѣвшимъ зданіямъ людямъ... Всюду шумъ увеличивался... А Михайло все стоялъ... Онъ уже не смотрѣлъ на Тарасову избу, а на тѣ, которыя горѣли дальше. Вотъ пылаетъ разваленная хата Климона Макарова; онъ уже два года, какъ болѣетъ и еле ноги таскаетъ; жена подбирается. Вотъ загорается изба вдовы Василисы. У нея было шестеро малолѣтнихъ дѣтей.

„Боже! Эти за что? — думалъ Михайло. — И это я, все я надѣлалъ!“

Хмель у него прошелъ. Въ вискахъ стучало. Онъ всталъ. Вдругъ передъ Василисинымъ домомъ поднялся шумъ.

— Катька, Катька! — кричала она не своимъ голосомъ: — Катька гдѣ?

Она искала дочь кругомъ себя. Остальныя дѣти были тутъ, даже маленькій Миша, а пятилѣтней Катьки не было.

— Боже! Я ее забыла! Она на задникѣ лежала!

Кто-то хочетъ броситься, но вся изба уже въ огнѣ. Не идти же на вѣрную, бесполезную смерть. Кругомъ охаютъ, ахаютъ, а сдѣлать ничего уже нельзя. Михайло моментально все сообразилъ; онъ уже лѣзетъ къ избѣ, бросается въ сѣни...

— Михайло, не ходи!.. все равно, пропадешь и ее не спасешь! Боже, онъ идетъ!.. Господи, сохрани его! — слышатся голоса.

Народъ — какъ стоялъ, такъ и остановился. Про все забыли на время, и про пожаръ, и про добро свое. Видятъ одно: чело-вѣка, рискнувшего всѣмъ, чтобы спасти ребенка...

Но Михайло не слышитъ криковъ... онъ не боится смерти... Смерть?.. Тѣмъ лучше!.. Не давать же погибать ребенку отъ огня, имъ же самимъ зажженнаго!..

Онъ уже въ сѣняхъ... Ничего не видать. Минута проходитъ... вѣчность для матери. Вдругъ вдребезги летитъ окно; въ оконѣ — Михайло... Кругомъ него дымъ, огонь... въ рукахъ у него что-то есть.

— Неужто спасетъ? Боже! помоги!.. — проносится въ толпѣ.

— Поливай! — громовымъ голосомъ крикнулъ Михайло.

Двое подбѣжали съ ведрами, плеснули на него водой; онъ вылѣзаетъ... еще мгновенье... но потолокъ рушится... исчезаетъ Михайло со своей ношей!.. Дымъ... огонь... и больше ничего.

На другой день вся округа хоронила обгорѣлыя трупы Михайла и маленькой Кати.

Дѣдъ Ульянка опять побирается. Онъ проситъ за упокой Михайла. Бабка Матрена, отъ слезъ или отъ старости, ослѣпла. Арина замужъ не пошла — она воспитываетъ своего сынишку.

Александръ Новиковъ.

